

ОБ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОМ ПОНИМАНИИ ЦЕЛЕЙ И ЗАДАЧ СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЙСТВИЯ

Анализируются существующие подходы к определению целей и задач следственного действия в уголовно-процессуальной и криминалистической науках. Обосновывается вывод о необходимости различения уголовно-процессуальных и криминалистических целей и задач следственного действия. Определяется содержание криминалистических целей и криминалистических задач следственного действия. Оценивается методологическое значение уголовно-процессуального и криминалистического понимания целей и задач следственного действия.

Ключевые слова: познавательная деятельность; цели и задачи; следственное действие; тактико-криминалистическое средство; криминалистическая характеристика преступления.

Исследование проблем повышения эффективности криминалистической деятельности следователя предполагает рассмотрение основных положений следственного действия как формы реализации тактико-криминалистических средств. В числе таких положений находятся вопросы, касающиеся понимания криминалистических целей и задач следственного действия. Правильное решение названных вопросов позволяет, на наш взгляд, системно представить поисково-познавательную деятельность субъектов предварительного расследования, структурировав её посредством выделения логических и фактических действий. При этом представляется важным, исследуя вопрос о понятии криминалистических целей и задач следственного действия, опираться на соответствующие положения уголовно-процессуальной науки, не затушевывая ими сущность названных целей и задач.

Как отмечает С.А. Шейфер, под целью понимают идеальный образ результата деятельности, предваряющий самую деятельность; соответственно, цель следственного действия – это закрепленное в законе предвидение возможности получения определенного познавательного результата. Целью любого следственного действия является получение информации определенного вида. Цели следственного действия не определяются каждый раз субъектом познания, в том числе следователем, заново, а формулируются в виде неких требований заранее, как это имеет место в любой деятельности, направляемой общественными потребностями [1. С. 18]. «Цель следственного действия, – пишет С.А. Шейфер, – накладывает свой отпечаток и на форму применения методов познания в том или ином следственном действии. Используемые для изучения следов методы наблюдения, измерения, сравнения, моделирования, эксперимента и расспроса приобретают с учетом этого определенную специализацию... Наконец, цель следственного действия предопределяет специфическое сочетание познавательных операций, обеспечивающих извлечение искомого фактического данных из следов того или иного вида» [2. С. 18].

Оперирование понятием «цель познавательной деятельности» дает возможность выделить в объекте познания те его стороны и свойства, которые удовлетворяют конкретной познавательной потребности субъекта. В применении к процессу собирания доказательств цель следственного действия обеспечивает его последовательную «специализацию», приспособленность к получению конкретной искомой информации. Можно считать, что специфической целью следственного дей-

ствия является извлечение информации определенного вида и содержания из исследуемых объектов – следов события. Иначе говоря, цель следственного действия – это идеальный образ информации (ее формы и содержания), которую предстоит получить следователю путем применения предусмотренных законом познавательных приемов [1. С. 18–19].

Очевидно, что с позиций уголовно-процессуальной науки такое понимание цели следственного действия является правильным. Вопрос лишь в том, насколько точным должно быть определение тем или иным автором, а также законодателем цели следственного действия и средств её достижения. При этом важным для уголовно-процессуальной науки и практики, как отмечают отдельные авторы, является не только то, что каждое следственное действие имеет свою цель, собственный объект познания и осуществляется специфическими способами в определяемых законом условиях, но и то, что следственные действия образуют специфическую систему процессуальных действий по собиранию и проверке доказательств, предусмотренную уголовно-процессуальным законом, характеризуются общими познавательными задачами и удостоверительными операциями, единым процессуальным режимом, юридической конструкцией, позволяющей различать гипотезу, диспозицию и санкцию, в равной мере подчинены принципам уголовного процесса, им присуще единство этических требований, логической структуры и психологических основ деятельности [1. С. 55; 3. С. 27].

Нельзя не видеть, что уголовно-процессуальный закон не содержит указания на цель допроса, опознания, а также назначения судебной экспертизы, за исключением экспертизы, которая относится к числу обязательных (ст. 196 УПК РФ). Однако это не означает, что процессуальная цель названных выше следственных действий не может быть выделена умозрительно, исходя из содержания соответствующих положений, опосредующих их производство. Очевидно, что в некоторых случаях для определения цели следственного действия необходимо оперировать не только нормой, непосредственно определяющей уголовно-процессуальный порядок его производства, но и нормой, закрепляющей основополагающие начала уголовного судопроизводства. Так, представляется, что процессуальная цель очной ставки может быть выведена из системного анализа содержания ст. 192 УПК РФ «Очная ставка» и ст. 14 УПК РФ «Презумпция невиновности», которая обязывает следователя принимать все меры к устранению сомнений в виновности обвиняемого.

Отдельные авторы называют несколько *уровней* процессуальных целей следственного действия. Так, например, Н.Ш. Сафин целеполагание допроса несовершеннолетнего подозреваемого представляет в виде системы целей, выделяя в ней основную, дополнительную и общую цели [4. С. 15]. С.В. Тетюев, разделяя данный подход, применительно к допросу несовершеннолетнего обвиняемого отмечает, что *основная* цель данного следственного действия состоит в выяснении правильности предъявленного несовершеннолетнему обвинения, *дополнительная* – в восполнении в доказательственном материале пробелов, которые препятствуют завершению расследования, *общая* же цель допроса, по мнению данного автора, отражает познавательную сторону следственного действия, а именно: установление обстоятельств, подлежащих доказыванию по делам о преступлениях несовершеннолетних (ст. 73, 421 УПК РФ), и в конечном счете – достижение назначения уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ) [5. С. 22]. Достижение выделенных им целей автор видит через решение одной-единственной задачи, а именно: получение от указанного участника уголовного судопроизводства полных и достоверных знаний. Можно оспаривать названную позицию, однако верным в ней является, прежде всего, выделение как целей, так и задач следственного действия, а кроме того – различное их понимание. Об общей цели, которая присуща всем следственным действиям, говорят и другие авторы, видя таковой установление всех обстоятельств, входящих в предмет доказывания [6. С. 58]. Специфическим видится определение цели экспертизы, состоящей в оказании помощи суду и органам предварительного расследования в более глубоком исследовании специальных вопросов, входящих в предмет доказывания [7. С. 80], также задачи данного следственного действия, рассматриваемой в виде того или иного вопроса, на который может ответить эксперт [8. С. 23–26].

Очевидно, что подразделение С.В. Тетюевым и другими авторами целей следственного действия носит процессуальный характер; в основе структурирования лежит такой критерий, как *необходимость достижения истины* по уголовному делу.

Представляется возможным говорить о том, что в уголовном процессе название законодателем различных, на первый взгляд, целей производства следственных действий само по себе не ведет к показу отличий в характере познавательных операций, которые, в свою очередь, обуславливают различия в тактических приемах, разрабатываемых криминалистической наукой и применяемых следователем. Так, например, целями следственного эксперимента определены проверка и уточнение данных, имеющих значение для уголовного дела (ст. 181 УПК РФ); целью проверки показаний на месте названо установление новых обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. При этом характер поведения соответствующего лица при производстве названных следственных действий в принципе нормативно одинаков: как в следственном эксперименте, так и при проверке показаний на месте оно воспроизводит определенные действия. Выделение некоторыми авторами проверочных следственных действий, на наш взгляд, также не показывает предметно-

содержательную сторону действий следователя по исследованию события преступления [1. С. 85–88].

Можно говорить о существовании подхода, в соответствии с которым понятия «цель следственного действия» и «задача следственного действия» четко не разделяются. Так, например, отмечается: «Целью любой тактической операции является решение тактической задачи. В качестве тактической задачи, решение которой является целью тактической операции “Осмотр места происшествия”, выступает получение в максимально короткое время массива криминалистической информации...» [9. С. 16]. По сути отождествляет цели и задачи следственного действия В.П. Антонов, когда говорит, что «к целям осмотра относится решение информационных задач» [10. С. 10]. Нередко задача рассматривается как осуществление мер к устранению обстоятельств, препятствующих достижению цели [11. С. 37]. К числу тактических целей иногда относят создание условий, обеспечивающих достижение внезапности воздействия; к группе задач причисляется такое обстоятельство, как создание условий для обеспечения эффективности следственного действия [12. С. 18–19]. Очевидно, что достижение в отношении определенных лиц внезапности в действиях со стороны следователя является условием обеспечения эффективности (результативности) следственного действия, но не его целью. Таким образом, налицо полное слияние криминалистических целей и задач.

Аналогичным образом о специфической соотносимости целей и задач следственного действия говорит Р.С. Белкин [13]. Так, рассматривая признаки тактической комбинации, он подчеркивает, что её целью всегда является решение конкретной задачи следствия, а именно установление истины по уголовному делу. Здесь же следует уточнение, что это есть общая цель, поскольку, на взгляд Р.С. Белкина, следует выделять непосредственные цели [13. С. 212]. Таким образом, указанный автор отождествляет уголовно-процессуальную и криминалистическую цели, при этом он, по сути дела, оперирует сложным по содержанию понятием «цель–задача».

О цели как конкретной задаче, которую необходимо решить, пишет В.И. Комиссаров [14. С. 47]. Однако, в отличие от Р.С. Белкина, он видит несовпадение уголовно-процессуальных и криминалистических целей, отмечая, что «цели и средства... в следственной практике шире и подвижнее целей и средств уголовного процесса» [14. С. 39; 15. С. 33]. Своеобразное соотношение цели и задачи можно увидеть у В.Е. Корноухова, который говорит о *цели тактической задачи*, не объясняя, к сожалению, что следует понимать под этим образованием [16. С. 38; 17. С. 93].

Рассуждая о целях и задачах следственного действия, В.А. Образцов и другие авторы, по существу, говорят о конструкции «цель–задача» [18. С. 6–12; 19. С. 19]. Вряд ли такая иллюстрация соотношения понятий «цель» и «задача» применительно к тактике следственного действия, равно как и к уголовно-процессуальной деятельности, может быть расценена как проявление небрежности исследователя. Дело в том, что в философской литературе «задача» понимается отдельными авторами как «непосредственная цель» [20. С. 73].

Нередко при криминалистической характеристике следственного действия разговор идет только о задачах, без упоминания о его целях. Так, Е.П. Ищенко различает общую задачу осмотра, в содержание которой входит необходимость разобраться в обстановке происшествия, выявить, зафиксировать и изъять материальные следы преступления в широком смысле слова, выявить связь следов и предметов с преступником, потерпевшим и иными субъектами и т.д. Частными задачами называются такие, как установление возможных очевидцев происшествия, формулирование предположения о том, какие следы могли оказаться на преступнике, определение образцов грунта, растительности и воды, которые необходимо взять с места происшествия [21. С. 206–207]. Нетрудно заметить, что Е.П. Ищенко говорит о разнохарактерных действиях: тех, которые находят отражение в протоколе следственного действия, и тех, которые остаются как умозрительные суждения следователя, например формулирование предположения о том, какие следы могут образоваться на теле и одежде преступника.

Аналогичное суждение высказывает Е.Е. Центров [22. С. 431–432]; задачами обыска (без указания его цели) также называются соответствующие положения уголовно-процессуального кодекса об отыскании группы объектов, а также изымании предметов и документов, изъятых из оборота [23. С. 511–512]. Подчас вместо терминов «общие задачи» следственных действий употребляются термины «основные задачи», содержание которых аналогично вышеназванным [24. С. 168].

Особняком находится подход, в соответствии с которым цель следственного действия носит процессуальный, а задача – тактический характер [25. С. 552].

Д.В. Ким, подходя к рассмотрению вопроса о соотношении понятий криминалистической цели и криминалистической задачи с точки зрения деятельностного подхода, отмечает, что первая есть элемент деятельности субъекта по установлению обстоятельств уголовного дела, в то время как вторая – возможность субъекта доказывания определить дальнейшие действия по уголовному делу для достижения поставленных целей [26. С. 84–85]. В.В. Степанов целями проверки показаний на месте считает проверку достоверности имеющихся в уголовном деле доказательств, а также получение новых доказательств. Отмечая, что цели носят абстрактный характер, указанный автор говорит о конкретных частных задачах, таких как: предоставление возможности проверяемому лицу воспроизвести на месте обстановку и обстоятельства исследуемого события; отыскание и указывание данным лицом предметов, документов и следов, имеющих значение для уголовного дела; обращение внимания участников следственного действия на изменения в обстановке места происшествия; конкретизация и уточнение ранее данных показаний [27. С. 20–22]. Можно увидеть, что некоторые частные задачи здесь представлены тактическими приемами, например предоставление возможности проверяемому лицу действовать самостоятельно.

Н.И. Ахмедов, рассматривая вопрос о соотношении понятий «цель» и «задача» применительно к обыску, отмечает необходимость исходить в решении этого вопроса из того, что объективно сначала решаются оп-

ределенные задачи, приводящие к достижению поставленных перед указанным следственным действием целей. К числу задач им были отнесены обнаружение и изъятие различных объектов (предметов, документов, трупов, живых лиц, имущества и т.п.); в качестве целей обыска названы собирание доказательств по делу, погашение ущерба, причиненного преступлением, привлечение к ответственности скрывающегося преступника [28. С. 12]. Таким образом, налицо общенаучный подход, в соответствии с которым задача конкретизирует цель, причем данный подход лежит в рамках уголовно-процессуальной науки.

Аналогичным образом видит соотношение цели и задач следственного действия Л.В. Бертовский, который полагает, что целью, например, осмотра места происшествия является «...собираение новой и проверка имеющейся информации для получения знаний о самом объекте осмотра, характере и обстоятельствах *связанного с ним* (выделено мною. – А.К.) события, его участниках и очевидцах», в то время как задачами его являются обнаружение следов преступления, их фиксация и изъятие [29. С. 356–357]; схожую мысль высказывают В.С. Мамонов и В.В. Степанов [30. С. 33–34]. Применительно к данному следственному действию целью осмотра места происшествия называется исследование обстановки места происшествия [32. С. 293], которая, в общем-то, принимает характер самоцели. Кроме того, отмечается, что «как процессуальное действие осмотр места происшествия имеет и вторую основную цель – удостоверительную: всестороннюю и полную фиксацию обстановки и следов» [32. С. 294].

Несомненно, уяснение понятия и содержания уголовно-процессуальных целей и задач следственного действия имеет важное значение для теории и практики криминалистики. Вместе с тем отождествление уголовно-процессуальных и криминалистических целей следственного действия может привести к многозначности как одного, так и другого терминов, а в конечном счете – к размыванию предметных границ соответствующих наук. Примером такого отождествления может служить отнесение к процессуальным методам преодоления противодействия расследованию «повторные и более детальные допросы отдельных участников расследования», а к методам тактического характера – «повторная дача показаний» [31. С. 86–87], что, в принципе, одно и то же.

Несовпадение уголовно-процессуальных и криминалистических целей и задач следственного действия должно предопределяться различным пониманием в уголовном процессе и криминалистике методов производства того или иного следственного действия. Так, например, выделяя в одну группу такие следственные действия, как осмотр, освидетельствование и следственный эксперимент, ученые-процессуалисты отмечают, что объединяет эти действия метод наблюдения [33. С. 26]. Между тем криминалистическую сущность следственного эксперимента определяет такой метод практики, как опыт, и применяемые в ходе его подготовки и проведения тактические приемы отражают опытный характер данного следственного действия [34. С. 552]. Можно утверждать, что ранее уголовно-процессуальные предпосылки тактико-криминалисти-

ческих приемов были выражены более четко. В частности, ст. 183 УПК РСФСР «Следственный эксперимент» указывала на то, что проверочные действия при производстве данного следственного действия носят *опытный* характер. Как известно, различия в характере исследовательских действий, которые были подмечены ранее всего в криминалистике, и позволили, в конечном счете, закрепить в УПК РФ новое следственное действие – проверку показаний на месте. В свое время отсутствие в уголовно-процессуальных кодексах отдельных союзных республик (Эстония, Казахстан, Азербайджан) указания на опытный характер действий при производстве следственного эксперимента явилось основанием для соответствующей критики [35. С. 106–109].

И уголовно-процессуальные, и криминалистические цели и задачи следственного эксперимента обуславливают необходимость внесения в ст. 181 УПК РФ изменений, которые бы указывали на то, что непосредственно исследовательское действие носит опытный характер. Именно возможность изменения параметров действия, которое осуществляет лицо (чаще всего то, чьи показания проверяются), и отличает следственный эксперимент от проверки показаний на месте, и тем более – от осмотра и освидетельствования.

Представляется, что трудности доктринального разделения категорий «цель» и «задача» следственного действия обусловлены тем обстоятельством, что содержание целей и задач в том смысле, какой чаще всего придается им в настоящее время, является одинаковым, т.е. доказательственным. Таким образом, «архитектоника» целей и задач в криминалистике и науке уголовного процесса весьма разнообразна: от схемы, в которой одна цель следственного действия достигается решением ряда его задач, до схемы, в которой совокупность различных целей опосредована единственной задачей соответствующего следственного действия. При этом четкие критерии различения уголовно-процессуальных и криминалистических целей и задач до настоящего времени отсутствуют.

Ничего не проясняет в данном вопросе выделение стратегических и тактических целей следственного действия. Как указывают отдельные авторы, «в отличие от общих стратегических целей, тактической целью отдельного следственного действия будет установление того или иного обстоятельства из перечисленных в ст. 73 УПК РФ» [36. С. 189]. Очевидно, что и цели и задачи следственного действия здесь не выходят за рамки внешней стороны деятельности указанного субъекта, получающей свое процессуальное закрепление (выражение). В таком подходе ясно выражено превалирование уголовно-процессуального аспекта деятельности следователя. В подтверждение этого можно сослаться на вышеназванную работу В.С. Мамонова и В.В. Степанова, в которой единственным критерием эффективности, например осмотра места происшествия, называется получение процессуально закрепленной информации [30. С. 39].

Гораздо более продуктивной является позиция, в соответствии с которой исследовательский акцент делается на тактический характер целей и задач следственного действия, что, как представляется, должно указывать именно на криминалистическое понимание рас-

сматриваемых категорий. Вместе с тем изучение литературы дает основание утверждать, что до настоящего времени эти положения не получили всестороннего обоснования. Проявляется это в том, что некоторые авторы отождествляют тактические цели и задачи [37. С. 42]. Различая процессуальные и тактические цели следственного эксперимента, к первым относят проверку и уточнение собранных по делу доказательств, получение новых доказательств, проверку следственных версий, установление причин и условий совершения расследуемого преступления. В числе тактических целей названы: «1) получение от подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего или свидетеля правдивых показаний – в тех случаях, когда ход и результаты следственного эксперимента однозначно и объективно раскрывают несостоятельность выдвинутых этими лицами версий происшедшего события или его отдельных элементов; 2) восстановление в памяти участников события преступления отдельных деталей, обстоятельств, моментов, по поводу которых они добросовестно заблуждались» [38. С. 491]. Нетрудно заметить, что тактические цели следственного эксперимента суть цели уголовно-процессуальные – получение новых доказательств и уточнение уже имеющихся. Отдельные авторы подчеркивают процессуальный характер тактических целей следственного действия, ссылаясь на их законодательное закрепление в нормах УПК РФ, регламентирующих производство того или иного следственного действия [37. С. 44].

Попытка назвать в числе тактических целей того или иного следственного действия некие обстоятельства направлена, как представляется, в первую очередь, на то, чтобы подчеркнуть самостоятельность, несхожесть его с другими следственными действиями. Тем самым деятельность следователя в ходе проведения отдельного следственного действия невольно «вырывается» из контекста расследования преступления как особой системы, в своем формализованном виде представленной его криминалистической характеристикой, оставившего в материальных и идеальных следах ту или иную информацию об элементах данной характеристики и связях между ними. В силу этого каждое из производимых следственных действий, с позиций криминалистической науки, должно быть направлено на познание преступления, моделью которого является его криминалистическая характеристика. Несомненно, определение в криминалистике тактических целей и задач следственного действия продуктивно, поскольку подчеркивает, во-первых, форму реализации тактических приемов, во-вторых, увязывает вопрос производства следственного действия прежде всего с положениями, разрабатываемыми таким разделом криминалистики, как тактика.

Вместе с тем представляется более точным говорить о криминалистических целях следственного действия. Это предопределено необходимостью более тесного увязывания положений различных разделов криминалистики при разработке отдельных проблем той или иной её части, но в большей мере важностью учета того, что, в конечном счете, теоретико-прикладные вопросы криминалистической тактики направлены на достижение целей и задач уголовного судопроизводства.

ва, которые реализуются в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства. И в этом смысле возникает необходимость соотнесения тактических положений, представляющих для следователя соответствующий инструментарий, с положениями методики расследования отдельных видов и групп преступлений, прежде всего такими, как криминалистическая характеристика преступления.

На наш взгляд, именно отыскание в процессе производства любого следственного действия проявлений различных связей между криминалистически значимыми признаками (элементами) расследуемого преступления и составляет содержание того, что должно называться криминалистическими целями следственного действия. Таким образом, направленность поисково-познавательной деятельности в ходе производства любого следственного действия должна отражать её криминалистический аспект, ставя и разрешая вопрос: какая материальная и идеальная информация, позволяющая судить о способе подготовки, способе совершения, способе сокрытия преступления, личности преступника, личности потерпевшего и т.п. заключена в исследуемом объекте? В криминалистике, как представляется, цель следственного действия должна выражать деятельностную сторону, в которой большое значение имеет рефлексия следователя, его стремление к постоянной версионной работе, использованию в тактических построениях не только сведений, которые прошли проверку процессуальным путем, но и информации, которая не получила статус доказательства по тем или иным причинам. Это связано с тем, что деятельность, как отмечается в философии, выполняет две основные функции: она служит средством достижения некоторых целей и в то же время оказывается средством самовыражения личности [39. С. 162–163]. Несомненно, методологическое значение имеет положение о том, что предметная очерченность криминалистики в общем определяется деятельностью преступника и лица, осуществляющего расследование [40. С. 97; 41. С. 172].

Точность тех или иных суждений о целях и задачах, реализуемых в процессе познавательной деятельности следователя, может быть оценена лишь в контексте понимания следственного действия как определенной системы действий. Как отмечают авторы, исследующие гносеологические начала науки, понятие системы основывается на трех сочетанных положениях, раскрывающих его содержание: во-первых, множество взаимосвязанных элементов (частей); во-вторых, единое целое, образующееся этим множеством; в-третьих, данное целое имеет некоторую цель или назначение, характерное для всей совокупности элементов, а не для отдельного из них или сочетания лишь некоторых элементов. При этом наличие одной цели у системы обусловлено таким

ее свойством, как целостность [42. С. 22–24]. В философской литературе отмечается, что в определенной мере цель может выступать как системообразующий фактор [43. С. 9–10]. Многие авторы, говоря о системном подходе к расследованию преступления, понимают под ним систему следственных действий [2. С. 2–23].

На наш взгляд, системность имеет проявление и на уровне одного следственного действия, причем эта система (точнее сказать – подсистема) проявляется через совокупность его криминалистических целей. Только таким образом можно определить характер системности следственных действий, каждое из которых свойственными им тактическими приемами исследует одни и те же свойства и отношения элементов преступного события, представляющего с позиций предметности криминалистики модель под названием «криминалистическая характеристика преступления».

Криминалистическая задача следственного действия, в отличие от его криминалистической цели, указывает на фактические сведения, получившие отражение в протоколе следственного действия как результат реализации тактического решения, повлекшего применение соответствующих тактико-криминалистических средств. На наш взгляд, при таком подходе криминалистические задачи получения информации и её проверки приобретают важное познавательное значение, поскольку объективируют достижение криминалистических целей следственного действия. С точки зрения деятельностного подхода криминалистическая задача следственного действия раскрывает, прежде всего, внешнюю сторону деятельности следователя, в отличие от криминалистической цели, которая показывает содержание процесса оперирования указанным субъектом различными познавательными моделями, прежде всего следственной версией и криминалистической характеристикой преступления.

В качестве заключения необходимо отметить, что понятие уголовно-процессуальных целей и задач следственного действия имеет для криминалистики методологическую ценность: оттого, насколько точное нормативное выражение получило целеполагание в отечественном уголовном судопроизводстве, зависит успешность разработки и применения тактико-криминалистических средств. Соответственно, не меньшее методологическое значение будут иметь категории криминалистических целей и задач. Несомненно плодотворной является идея о том, что цели и средства их достижения в следственной тактике хотя и обусловлены целями и средствами уголовного судопроизводства, однако в своем содержании выходят за рамки последних, поскольку предопределены процессуальной необходимостью предоставления следователю тактического и «оперативного» простора в его работе [15. С. 34].

ЛИТЕРАТУРА

1. Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М.: Юрлитинформ, 2001. 208 с.
2. Шейфер С.А. Теория следственных действий как элемент теории доказательств // Актуальные проблемы совершенствования производства следственных действий: Сб. науч. тр. Ташкент: ТВШ МВД СССР, 1982. С. 12–26.
3. Семенов В.А. Следственные действия в досудебном производстве (общие положения теории и практики). Екатеринбург: Урал. гос. юрид. академия, 2006. 300 с.
4. Сафин Н.Ш. Допрос несовершеннолетнего подозреваемого в советском уголовном судопроизводстве (процессуальный и криминалистический аспекты проблемы). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1990. 160 с.

5. *Тетюев С.В.* Процессуальные особенности допроса несовершеннолетнего обвиняемого / Под ред. д-ра юрид. наук, проф. А.В. Кудрявцевой. М.: Юрлитинформ, 2006. 176 с.
6. *Чадонова И.В.* Процессуальные вопросы производства проверки показаний на месте по УПК РФ // Вестник Томского государственного университета. 2003. № 4. С. 58–59.
7. *Романов В.В.* Юридическая психология. М.: Юристъ, 1998. 488 с.
8. *Нагаев В.В.* Основы судебно-психологической экспертизы: Учеб. пособие для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2000. 333 с.
9. *Чернышев М.А.* Осмотр места происшествия как базовая тактическая операция: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 23 с.
10. *Антонов В.П.* Особенности организации осмотра места происшествия по делам террористической направленности: Учеб.-метод. пособие. М.: Юрлитинформ, 2004. 94 с.
11. *Ткачев А.И.* Возвращение уголовного дела прокурору со стадии подготовки к судебному заседанию. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008. 152 с.
12. *Шананин М.Г.* Тактика использования результатов оперативно-розыскной деятельности для подготовки и проведения следственных действий (генезис, теория и практика): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. 20 с.
13. *Белкин Р.С.* Курс криминалистики: В 3 т. Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М., 1997. 480 с.
14. *Комиссаров В.И.* Криминалистическая тактика: история, современное состояние и перспективы развития. М.: Юрлитинформ, 2009. 192 с.
15. *Комиссаров В.И.* Теоретические проблемы следственной тактики / Под ред. А.И. Михайлова. Саратов, 1987. 170 с.
16. *Корноухов В.Е.* Факультативная тактическая задача «Розыск обвиняемого и иных объектов» // Курс криминалистики. Особенная часть. Т. 1: Методики расследования насильственных и корыстно-насильственных преступлений / Отв. ред. В.Е. Корноухов. М.: Юристъ, 2001. С. 38–50.
17. *Корноухов В.Е.* Тактическая задача «Возмещение ущерба» // Курс криминалистики. Особенная часть. Т. 1: Методики расследования насильственных и корыстно-насильственных преступлений / Отв. ред. В.Е. Корноухов. М.: Юристъ, 2001. С. 93–123.
18. *Еникеев М.И., Образцов В.А., Эминов В.Е.* Следственные действия: психология, тактика, технология: Учеб. пособие. М.: ТК Велби; Проспект, 2007. 216 с.
19. *Образцов В.А., Протасевич А.А.* Организационные основы и структура следственного действия // Следственные действия. Криминалистические рекомендации. Типовые образцы документов / Под ред. В.А. Образцова. М.: Юристъ, 1999. С. 17–24.
20. *Федоров А.Г.* Материалистическая диалектика о категории цели // Вопросы философии. 1956. № 1. С. 63–78.
21. *Ищенко Е.П.* Криминалистика: Курс лекций. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: КОНТРАКТ, 2008. 411 с.
22. *Центров Е.Е.* Тактика осмотра места происшествия // Криминалистика: Учебник / Отв. ред. Н.П. Яблоков. М.: Юристъ, 2005. С. 429–452.
23. *Эксархопуло А.А.* Тактика обыска // Криминалистика: Учебник / Под ред. Т.А. Седовой, А.А. Эксархопуло. СПб.: Лань, 2001. С. 509–528.
24. *Кучерков И.А.* Тактические особенности следственного осмотра места производственной аварии // Роль кафедры криминалистики юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова в развитии криминалистической науки и практики: Материалы конф.: В 2 т. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2010. Т. 1. С. 168–171.
25. *Эксархопуло А.А.* Криминалистика: Учебник. СПб., 2009. 904 с.
26. *Ким Д.В.* Криминалистические ситуации и их разрешение в уголовном судопроизводстве / Под ред. проф. В.К. Гавло. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. 206 с.
27. *Степанов В.В.* Правовая природа и направления совершенствования проверки показаний на месте // Вестник криминалистики / Отв. ред. А.Г. Филиппов. М.: Спарк, 2001. Вып. 2. С. 15–22.
28. *Ахмедов Н.И.* Тактика проведения одновременного обыска по делам о корыстных преступлениях, совершенных группой лиц (По материалам практики следственных подразделений правоохранительных органов Республики Таджикистан): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995. 27 с.
29. *Бертовский Л.В.* Проблемы теории и практики выявления и расследования преступного нарушения правил экономической деятельности: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. 526 с.
30. *Мамонов В.С., Степанов В.В.* Осмотр места происшествия: правовые, научные основы и практика применения. М.: Юрлитинформ, 2010. 184 с.
31. *Бойко Ю.Л.* Особенности преодоления противодействия при расследовании корыстно-насильственных преступлений, совершаемых сотрудниками ОВД // Вестник криминалистики / Отв. ред. А.Г. Филиппов. М., 2009. Вып. 4 (32). С. 84–88.
32. *Зеленский В.Д.* Тактика осмотра места происшествия // Криминалистика: Учебник для вузов / Под общ. ред. Е.П. Ищенко, А.Г. Филиппова, Г.М. Меретукова. М.: Высшее образование, 2006. С. 293–303.
33. *Семенцов В.А.* Концептуальные основы системы следственных действий в досудебном производстве: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2006. 58 с.
34. *Князьков А.С.* Криминалистика: Курс лекций / Под ред. проф. Н.Т. Ведерникова. Томск: ТМЛ-Пресс, 2008. 1128 с.
35. *Уваров В.Н.* Следственный эксперимент: его содержание и значение // Актуальные проблемы раскрытия преступления: Сб. науч. тр. / Отв. ред. И.Ф. Пантелеев. М.: ВЮЗИ, 1985. С. 106–109.
36. *Халиков А.Н.* Цели и задачи следственных действий при расследовании должностных преступлений // Предварительное следствие. 2009. Вып. 1 (3). С. 186–196.
37. *Чебуренков А.А.* Основы теории расследования. М.: Юрлитинформ, 2010. 176 с.
38. *Меркулова Ю.С.* Тактика следственного эксперимента // Криминалистика: Учебник / Под ред. Т.А. Седовой, А.А. Эксархопуло. СПб.: Лань, 2001. С. 490–502.
39. *Никифоров А.Л.* Природа философии: Основы философии. М.: Идея-Пресс, 2001. 168 с.
40. *Лубин А.Ф.* Механизм преступной деятельности. Методология криминалистического исследования. Н. Новгород, 1997. 336 с.
41. *Чельшьева О.В.* Гносеологические основы отечественной криминалистики: Дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2003. 300 с.
42. *Сытник В.Ф.* Основы научных исследований: Учеб. пособие. Киев: Вища школа, 1978. 182 с.
43. *Андреев И.Д.* Теория как форма организации научного знания. М.: Наука, 1979. 303 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 1 марта 2011 г.